

МОЕМУ деду Климентию Архиповичу немало пришлось в начале века попотеть для того, чтобы благоустроить свое жилище, перестроить избушку на пятистенный, рубленый из ели дом, возвести под одной крышей конюшню, стаи для коровы, овец и кур. Отдельно амбар для зерна, сарай и дровяник. Состоявшая из 22 человек семья требовала увеличения земельного надела с 10 до 20 десятин. Но в царское время этого нельзя было добиться. У деда было только два сына (две души, на которые давалась земля), а дочери и сестры деда не шли в счет. Единственная польза от взрослых женщин семейщиков была в том, что они все до выхода замуж работали для семьи.

После революции, во время НЭПа закон о земле позволил брату отца выделиться, получить свой земельный надел, построить себе дом и пристрой. К 1929 году все сестры отца вышли замуж в другие деревни, и отец остался хозяином в доме деда. Отцова семья состояла из семи человек. Я был старшим ребенком, остальные младше меня. Мне к началу коллективизации было всего семь лет. Жизнь крестьянская одиночная была непомерно трудна. Все односельчане и отец были членами одной старобрядческой общины, в которую кроме нашей большой деревни Морозово (72 двора), входили еще около 17 малых деревень. У общины имелось немало строгих неписанных законов, которые нельзя было преступить.

Немалым грузом висели на спине хозяина налоги-обязательства перед государством. Урожай или неурожай, а натуроплату в виде зерна, масла и молока, шерсти плати в срок и сколько положено. Летом мы отца с матерью почти не видели. С рассвета до темна они трудились в поле. С нами сидела вожатка, девочка-подросток. У нас было все свое: хлеб, крупы, молоко, мясо, яйца, мед, одежда из льна (зимой ткали и шили), обувь из кожи (коты), лапти из лыка. Ведра, ложки из дерева, горшки и кринки из глины, туеса, бидоны из бересты. Денег было очень мало, поэтому покупали только самое необходимое для ремонта телеги, сельхозинвентаря. У отца был единственный «базарский» костюм и яловые сапоги, которые он всю жизнь проносил, одевая их только в гости, в церковь да на базар. У матери тоже было не более 2—3 магазинных платьев.

Кроватей не было. Спали мы все на полатах, на кошке, укрывались лоскутными одеяла-

ми, которыми пользовалось не одно поколение. В изголовье приходилось класть лопатины, подушек не хватало. Стулья и табуреты заменяли лавки через всю избу. Отопляла нас русская печь да железная «буржуйка». Светом служили свечи, лампада на деревянном масле. Керосиновые лампы зажигались только по праздникам. Были моменты — и лучину жгли для освещения.

Ставили отца кладовщиком. Но к лету колхоз распался, семенное зерно растащили обратно по дворам. Отца стукнули колом раз-другой и ключи отобрали. Несмотря на это в сельсовете ему сказали: «Надо было костями лечь, но зерно растаскивать не позволять». И посадили отца в холодную, где он просидел две недели. Летом крестьяне снова хозяйствовали одиночно. А в

◆ ВСПОМИНАЯ ПЕРЕЖИТОЕ

Как раскрестьянили отца

ЛЕТОМ крестьянин трудился изо всех сил в поле, зимой молотил, заготавливал дрова, готовил сельхозинвентарь к лету, ездил молотить зерно на мельницу, занимался отхожими промыслами, чтобы хоть немного заработать денег. Хлеб ведь всегда стоил дешево. Чтобы купить что-нибудь стоящее в городе, надо было не один воз зерна продать. А ведь его и своей-то семье не всегда хватало. Женщины и девочки от мала до велика кормили скот, пряли, ткали, вязали, шили, топили печи, пекли хлеб, варили пищу. Как сейчас вижу мать, с утра до вечера бывшую в работе. И мы, мальчишки, не сидели даром. Я, старший, всюду был с отцом: он лес рубил, я сучья в костер собирал, он косит — я гребу, сколько сил хватит, а чаще скотину пас, лошадь отводил в ночное, навоз или снопы на телеге возил. В восемь лет уже серпом жать мог по мере возможности, лен рвать, вязать, в суслоны ставить. Нашим детским делом было ходить со стариками в лес за земляникой, малиной, грибами. Их тогда мешками насыщивали. Были они и едой, и лекарством при соответствующем приготовлении.

Привычка — большое дело. Трудно было крестьянину, но он вез свой воз. Трудолюбие выручало. И когда в 1931 году зимой и весной начали у нас создавать колхоз, шли в него не очень охотно. Начальство сулило золотые горы при коллективном труде. Но нелегко было мужикам расстаться с привычной жизнью. Мой отец, как и многие другие середняки, долго тянул резину. Потом поддался сладким речам и подал заявление. Как имеющего тогда в деревне самое большое трехклассное образование, по-

январе 1932 года их снова стали агитировать в колхоз. Для устрашения раскулачили четырех кулаков и 34 середняка. Долго уговаривали отца. Когда же он наотрез отказался, наложили на него твердое задание: сдать государству сто пудов зерна. Снова отказался — дали другое твердое, потом третье. И таким образом выскребли из наших сусеков все зерно. Даже на семена не оставили. А когда и это не помогло, пришлось описывать имущество: лошадь, корову, пять овец, теленка, пчел, веялку и весь инвентарь. А обо-сновали это беззаконие выдуманной байкой о том, что дед Климентий будто бы когда-то приказчиком был у какого-то купца да рыбой торговал, да будто бы дегтярное заведение имел. Этим на самом деле занимался отец моего деда, но разорился.

О БИДНЕЕ всего отцу было, то, что раскрестьянивали его горе-активисты из комитета бедноты, Ф. Шардаков, С. Тельканов, Е. Тетенев, которые никогда не трудились на земле, из-за лени своей побирались тем, что плохо лежит, да тем, кого обьегорят. Шардаков прославился тем, что отца родного раскулачил в соседней деревне, Степка — своим тюремным прошлым, Ерема — мнимым колдовством и в связи с этим поборами с крестьян. С этими тремя разорителями в описании имущества участвовали понятые Г. Танин, С. Кайгородов, В. Морозов, П. Ларионов. Эти люди, такие же простые труженики, как отец, знали его как самого обыкновенного середняка, трудягу, нелегко добывающего свой хлеб. Жалели нас, детей, спрятавшихся на полатах, пытались защитить.

(Окончание следует).

...кончание. Нач. в № 28).

Как раскрестьянили

отца

Все описанное было увезено. Даже деревянный, совсем простенный, несколько раз отремонтированный диван и ящичек для лекарств забрали. Остались мы, как после пожара, ни с чем. И в избу пусто, и во дворе, и в стаях-конюшнях. Мать долго голосом редела, и мы плакали. Отец, понурив голову, долго сидел неподвижно. Потом сказал маме: «Беди детей в Макарыта, к твоим родителям. Там попытаются пока, а я пойду к другу Григорию Афанасьевичу. Может, он что-то посоветует». Выслушал его друг и сказал: «Ты, Артемий, вместе со мной год с полчаком воевал, потом три года на Кавказе, пужели ты враг советской власти, если ее защищал? Езжай в район, в одасть, напиши прошение, приложи документы, о службе в Красной Армии». Отец послушался и начал хлопотать. Через месяц-полтора приехала в деревню комиссия во главе с прокурором, который честным и догошным оказался, почти всех односельчан опросил, в сельсовете все документы проверил и вынес решение о том, что два хозяйства из 38 репрессированы незаконно. Приказали их реабилитировать и вернуть им все конфискованное. В числе этих двух хозяйств оказалось и хозяйство моего отца.

Радость наша была безмерной. Но чем жить? Вернули нам только корову, пчел да соломорезку. Одним молоком да медом не проживешь. Триста пудов конфискованного зерна, теленка и овец сельсовет зачел нам в счет будущих хлебо-

мясopоставок государству, если будем жить единолично. Лошадь не вернули без объяснения причин. Как без нее хозяйствовать? Ох, и намучились мы до нового урожая. Занятые у соседей крохи муки мешали с лебедой, хвощом, липовыми листьями, с внутренней мякотью репья, стряпали табани и ели их с молоком. Табани были горькие, мои маленькие братишки и сестренки плакали. Еле дождались конца июля—августа. А тут засуха, большой урожай. Зерна собрали настолько мало, что еле хватило расплатиться с займами да до декабря прокормиться. Опять замерещил голод. У отца с матерью головы болели от горя. Они похулили так, что страшно было на них смотреть. Соседи советовали уехать в город.

Но так просто уехать нельзя было, в сельсовете справку не дадут. Тогда отец завербовался на год на лесозаготовки, а потом на завод в Очере поступил выбивальщиком в литейный цех. Получил паспорт, нашел частную квартиру и нас в рабочих поселок перевез. Более пяти лет мы горе мыкали, скитаясь по квартирам, пока не удалось отцу построить из старых бревен маломальский дом без крыльца, без сенок. Только обжились, а тут война. Отец на ней погиб, не

провоевал и трех недель. Три года войны и четыре на границе отслужил и я. Много горя хлебнула мать с оставшимися в живых сестрами.

Сестры были увезены из деревни совсем маленькими. Они мало помнят деревню, а я ее часто вспоминаю. Мне до сей поры снятся наш огород, черемухи, малинники вокруг дома, речка Морозовка, густотравные луга, березово-осиные сколки, лесные земляничные и грибные поляны. Как хорошо было там, в царстве дремучих лесов, трав и лугов. Я даже чувствую вкус щавеля, дудки-борщовки, дикой ретиуги, сочной землянички. Было бы хорошо, если бы рынок стали внедрять тогда, в начале тридцатых.

Меня всегда тянуло на родину, как магнитом. Здесь все неузнаваемо изменилось. Из 17 малых деревень, входивших в нашу общину, не осталось ни одной. Все разрушили дикие эксперименты над крестьянином. Вот и сейчас эксперимент, только в обратную сторону. Нужно ли разрушать колхозы? Сможет ли крестьянин купить технику, инвентарь? Это только новоявленным бизнесменам под силу. Не ведет ли это к расслоению на новых богачей и батраков? А сердце снова болит, как тогда, в тридцатом.

С. ДЕДОТОЛИН.